

важных он думает одно, а наставляет в противоположном тому, что думает, не напоминая ли это образ жизни трактирщиков, — я не говорю честных, — но как раз наиболее бессовестных? Ибо, несомненно, такие учителя обучают тому, что сами считают наиболее скверным, обманывая и прельщая учеников похвалами, которыми, я полагаю, хотят прикрыть свои пороки»¹.

Именно так, полагал Юлиан, поступают учителя риторики — христиане, поскольку они толкуют ученикам книги Гомера, Гесиода, Демосфена и других великих мыслителей, писателей, поэтов и ораторов, которые почитали богов, — а сами учителя бесчестят этих же богов. Подобное раздвоение безнравственно.

Юлиан высоко оценивал роль наставников, обязанных воспитывать личным примером и четкостью идейных позиций: «Для наставников и учителей существует один общий закон... Все, притязающие называться наставниками, должны обладать безупречной нравственностью и не сообщать взглядов неподобающих и противных народным верованиям...»²

Именно таким наставником считал Юлиан философа Ямвлиха. Он не только высоко ценил его как мыслителя, но прежде всего как человека, достигшего «вершин добродетели» и охотно наставляющего других. «...Словно какая-то священная искра древних нравов и подлинной, животворной образованности снова возгорается лишь благодаря тебе», — писал он, обращаясь к Ямвлиху.

В отношении к христианам Юлиан не жалел самых сильных выражений. По его мнению, христиане (он предпочитает называть их галилеянами), распространяя свое учение, насаждают суеверие и невежество. Они опасны для государства и народа. Памфлет «Против христиан» он начинал словами: «Полезным, кажется мне, будет со всеми поделиться соображениями, убедившими меня в том, что коварное учение галилеян представляет собой злобный людской вымысел. Хотя в учении этом нет ничего божественного, оно сумело воздействовать на неразумную часть нашей души, по-ребячески любящую сказки,

¹ Поздняя греческая проза. М., 1960. С. 644.

² Там же. С. 644, 645.